

МОНГОЛО-ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РУСЬ: ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ И ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

MONGOL-TATAR INVASION OF RUSSIA: THE FIRST REACTION AND LONG-TERM CONSEQUENCES

V. Dolgov

Annotation

The article investigates the social and cultural impact of the Mongol-Tatar invasion to Rus. The author studies the immediate effects of the invasion. Also, the paper investigates the long-term implications of the inclusion of Russia in the system of dependence to the Horde.

Keywords: Ancient Russia, the Mongol-Tatar invasion, the Horde.

Долгов Вадим Викторович

Д.и.н., профессор,
ФГБОУ ВПО "Удмуртский государственный
университет", г. Ижевск,
Удмуртская Республика, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию социальных и культурных последствий монголо-татарского нашествия на Русь. Рассматриваются непосредственные последствия нашествия. Кроме того, рассмотрены долгосрочные последствия включения Руси в систему зависимости от Орды.

Ключевые слова:

Древняя Русь, монголо-татарское нашествие, Орда.

Монголо-татарское нашествие нанесло серьезный урон русской культуре. Военный разгром, тяжелая дань, увод в полон мастеров, значительно обеднили культурный процесс. Однако традиция не прервалась. Более того, вряд ли можно говорить о глобальном влиянии монгольской культуры на русскую, особенно на первых порах. Долгое время степной мир монголов-кочевников и мир городов славян-земледельцев существовали отчужденно, потребовалось не одно столетие для взаимного сближения. И контрагентом Руси в наладившемся со временем культурном контакте были уже не исключительно монголы, а синтетическая смесь народов, большая часть которых принадлежала к тюркской языковой группе.

Первоначальную реакцию Руси на военное поражение иллюстрирует литература эпохи, непосредственно следующей за Батыевым нашествием, которое стало основной темой для древнерусских книжников. Один из первых откликов на произошедшее – "Повесть о разорении Рязани Батыем". В "Повести" описывается гибель Рязани и рода рязанских князей. Монгольское нашествие воспринималось современниками как конец света, как "великая конечная погибель". Отсюда трагизм, наполняющий произведения того периода. Мотив героической смерти является ведущим в литературе, посвященной нашествию. В "Повести" монголо-татары стали по-

бедителями не потому, что победили рязанцев, а потому, что их противников не осталось в живых. Князь Федор Юрьевич, посланный к Батыю с дарами, отказывается отдать ему свою жену, говоря: "когда нас приодолеешь, то и женами нашими владети начнешь"[10. С. 142], его убивают. Узнав о смерти мужа, княгиня Евпраксия вместе с маленьким сыном "ринуся из превысокого храма своего" и разбилась насмерть. В решающей битве гибнут великий князь рязанский Георгий Ингворевич и его братья. Невозможность остаться в живых побежденным подвигла оказавшегося в момент главного сражения в отлучке Евпатия Коловрата с дружиной в 1700 человек напасть на войско Батыя. В образе Евпатия сильны эпические черты: он побеждает в единоборстве родственника хана Хостоврула, татары одолевают его только при помощи стенобитных орудий. Следовательно, мотив "героической гибели" был не только книжной конструкцией, сходным образом оценивались события и в народной массе.

Мотив предпочтения смерти бесчестию и признанию поражения лег в основу "Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского" и "Слова о Меркурии Смоленском". С религиозно-философским осмыслением постигшей Русь трагедии выступил епископ г. Владимира Серапион. В своих "Словах" и "Поучениях" он как проповедник старается извлечь урок из случившегося. Продолжая идейную традицию провиденциализма русских

книжников более раннего периода, Серапион Владимирский рассматривал нашествие как наказание, наложенное Богом за грехи, проявление "ярости Его". Он пишет, что человеколюбивый Бог, "видев наша беззаконья умножившася, видев ны заповеди его отверъша, много знамении показавъ, много страха пуцаше, много рабы своими учаще – и ничим же унше покажемся". Здесь Серапион как-будто сравнивает все бывшие напасти с тем, что пришлось пережить Руси в ходе монгольского нашествия: "Тогда наведе на ны языкъ немилостив, языкъ лют, языкъ, не щадящъ красы уны, немощи старецъ, младости детей" [13. С. 376]. Воплотилось, таким образом, пророчество Давида.

Достаточно быстро русские книжники справляются с задачей "прописки" нового "соседа"–завоевателя в традиционной картине мира. Это было сделано сразу после первого столкновения с ними в 1223 г. (битва на Калке). Летописная статья, повествующая о первом поражении русских князей от нового грозного противника ценна еще и тем, что приоткрывает перед нами завесу и дает возможность увидеть сам процесс работы летописца, собиравшего разные точки зрения по важному для него вопросу. "Явишася языци, ихже никтоже не добре ясно не весть, кто суть, и отколе изидоша, и что – язык их, и которого племени суть, и что – вера ихъ. И зовуть я Татары, а инии глаголють Таумены, а друзии – Печенези, инии глаголют яко се суть о нихже Мефодий Патарский епископъ свидетельствует. Яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскы, сущею межю востоком и севером, так обо Мефодий рече, яко къ скончанью времянь явитися тем. яже загна Гедеон, и попленьять всю землю от востока до Ефранта, и от Тигрь до Понетьска моря, кроме Ефиопья"[11. С. 445–446].

Таким образом, мы вновь видим, как эмпирическая информация, а именно сообщение об экзоэтнониме монголов, под которым они стали известны покоряемым народам ("татары"), дополняется книжным толкованием, основанным на традиционном использовании фрагмента пророчества Мефодия Патарского. Согласно толкованию, завоеватели, во-первых, являются потомками Измаила (так же как и половцы), а во-вторых, их приход – это свидетельство близкого конца мира. Непривычному явлению было дано привычное объяснение. Некоторую неудовлетворительность стандартных толкований чувствовал, видимо, и сам летописец. Далее он продолжает: "Богъ же единъ весть ихъ – кто суть, и отколе изидоша. Премудрии мужи ведать я добре, кто книги разумно умееть. Мы же их не вемы кто суть, но сде вписахом о нихъ памяти ради" [11. С. 446].

Причина недоумения летописца раскрывается дальнейшим текстом. Уравнивать татар с половцами мешало то обстоятельство, что и половцы сильно пострадали от них.

То, что одни "измаильтяне" пострадали от других, не могло не быть заметно летописцу. Недаром он, используя для описания татар пророчество Мефодия, и утверждая, что новый враг – выходец из пустыни Етривской, тем не менее, не произносит слова "измаильтянин", а оставляет его для привычного употребления – для половцев. Хотя измаильтяне считались выходцами как раз из пустыни Етривской.

Поражение, которое половцы потерпели от татар, было истолковано как наказание, посланное Богом за то зло, которое "безбожнныя сыны Измаиловы Куманы" сотворили Руси. То обстоятельство, что и Русь подверглась разгрому в этом же году, мало смущало летописца: ситуации, когда "теория казней Божьих" оказывалась логически не вполне безупречной, в древнерусских текстах достаточно часты. То же происходит и с восприятием татар как измаильтян. Несмотря на указанное затруднение, отождествление это периодически актуализировалось, особенно в те моменты, когда отношения с татарами обострялись [19. С. 709]. В ход шла традиционная, нарабатанная веками модель. И в данном случае, постановка татар на место бывших половцев не является исключительно книжной конструкцией, поскольку такое же явление видим мы и в героическом эпосе, в котором позднейшие татары повсеместно заменили и вытеснили ранних печенегов и половцев. Познавательные приемы, бытовавшие в коллективном сознании древнерусского общества, были таковы, что замещение это прошло практически беспрепятственно. Минутные колебания летописца, возникшие в ходе создания погодной записи о событиях 1223 г. остались практически единственным фактом некоего замешательства: татары "безболезненно" заняли место "сынов Измаиловых" в картине мира человека Древней Руси.

Нашествие новых страшных кочевников вызвало стремление к актуализации этно–государственной идентичности, желание заново посмотреть на себя со стороны и оценить, понять и почувствовать масштаб свершившейся трагедии. Выражением этого стремления является "Слово о погибели Русской земли" [14. С. 90], в образно–поэтической форме манифестирующее – что же такое представляет собой Русь в середине XIII в.

Сначала безвестный автор "Слова" перечисляет "красоты", которыми Русская земля "удивлена еси". В первую очередь перечисляются природные богатства: "озеры многыми удивлена еси, реками и кладязьми месточестьными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полми, дивными зверьми, различными птицами", потом перечисляются узловыя пункты окультуренного, освоенного, сакрализованного пространства: "бе–щислеными города великими, селы дивными, винограды обительными, домаы церковными", и наконец, в качестве бо–

гатства дана политическая элита: "князьями грозными, бояры честными, вельможами многими".

Весьма интересен и уникальный географический обзор, очерчивающий границы Руси перечнем соседних народов: "отселе до угорь и до ляховъ, до чаховъ, от чаховъ до ятвязи и от ятвязи до Литвы, до немец, от немец до корелы, от корелы до Устьяга, где тамо бяху тоймици погани, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгарь, от болгарь до буртась, от буртась до черемись, от черемись до мордвы, – то все покорено Богом крестияньскому языку". И, наконец, в самых сильных выражениях охарактеризовано политическое могущество русских князей: "поганые" народы покорялись князьям Всеволоду, отцу его Юрию и деду – Владимиру Мономаху, которым половцы пугали маленьких детей в колыбелях. Литовцы из болот своих на свет не показывалась, венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы "Володимеръ тамо не въехалъ", а немцы радовались, что они далеко – за Синим морем. Буртасы, черемисы, вядя и мордва бортничали на великого князя Владимира, а император византийской Мануил, "опас имея", то есть побаиваясь, посылал дары, "абы под нимъ великий князь Володимеръ Цесарягорода не взял". И вот вдруг случилось несчастье, "болезнь крестьяном" (т.е. в данном случае, христианам) – татарское нашествие.

Казалось, пережить крушение великой страны почти невозможно. Однако, неожиданно быстро ужас сменяется вполне спокойным взглядом на случившееся. Собственно, выверенные моралистические построения в проповедях Серапиона – это уже далеко не непосредственное проявление отчаянья и горя. Епископ Владимирский уже вполне спокоен для того, чтобы использовать рассказ о постигшем страну несчастье для придания большей убедительности своим морализаторским проповедям. Продумана идея, подобраны цитаты. Да и в летописи упоминания о "татарах" теряют первоначальную остроту. Уже в погодной статье 1242 г. летописец отвлекается от событий монгольского нашествия для описания удачного похода Андрея Ярославича на немцев. Затем, в статьях 1243 – 1252 татары уже никого не бьют, не жгут, а занимаются исключительно тем, что в лице своих ханов Батыея и Сартака "воздают честь" явившимся к ним русским князьям.

Летописец отвлекается все чаще. Его снова начинают занимать постройки и освящения церквей, рождения, свадьбы и кончины в княжеской семье, конфликты с "поганой" Литвой и пр. Под 1251 год мы уже снова видим фразу: "тое же зимы бысь мирно". Конечно, сообщения о татарских ратях периодически нарушают спокойное течение летописного рассказа. Но ничего похожего на первоначальную растерянность тексты не фиксируют. Рати приходят, подобно Дюденовой, "творят много зла", но

жизнь идет своим чередом.

Безусловно, и нашествие и установившееся иго принесло огромное горе населению Руси, но представление о том, что все 240 лет татаро-монгольского владычества мироощущение человека Древней Руси было исключительно депрессивно-подавленным, вряд ли соответствует истине. Индивидуальные и социальные защитные психологические механизмы позволили достаточно быстро нейтрализовать последствия удара и приготовиться к дальнейшей жизни. Понимание этого обстоятельства чрезвычайно важно для верного определения не только социально-психологического, но и политического климата на Руси в послемонгольскую эпоху.

Спокойное и, если так можно выразиться, деловое отношение русских к монголам было принято Л.Н. Гумилевым за свидетельство союзных отношений, сложившихся между двумя мирами. Вряд ли это так: осознание поражения и зависимости вовсе не обязательно должно приводить к постоянному воспроизводству чувства страха, гнева, боли и агрессии. В отличие от представлений, навеянных художественной литературой, обыденная жизнь "под господством иноплеменников" уже спустя десятилетие после нашествия в общих чертах вошла в привычную колею, и процессы взаимовлияния русских земель и Золотой Орды вышли на новый уровень, почти незаметный для наблюдателя, находящегося "внутри" эпохи.

Эпоха после Батыева разгрома стала не временем гибели, а временем образования нового единого русского государства, и временем начала образования нового русского этноса. Ушла в прошлое домонгольская система этнокультурных и государственных отношений. Древнерусская этнополитическая общность, одним из основных связующих элементов которой служило пусть непрочное, но в своей непрочности стабильное единство русских земель, объединенных родом Рюриковичей и церковной организацией, после разрушения этих скреп пришла в движение. Процессы эти привели в конечном итоге к рождению новой общности, связанной с древнерусской народностью генетически, но отличной от нее по целому ряду существенных признаков. После монгольского нашествия переместился центр русской истории: из регионов, пронизанных оживленными торговыми путями, связанных тысячами нитей с узловыми точками европейской цивилизации, из "открытого всем ветрам" юга, ядро национального и государственного развития сместилось в далекий Залесский край, бывшую культурную периферию, которая теперь, в условиях внешней опасности и внутреннего нестроения оказалась более подходящей средой для самосохранения этноса. Положение "на отшибе", ставшее причиной некоторой культурной и политической отсталости Северо-восточной Руси в XI – XIII веках, в новых условиях обернулась для нее огромным

плюсом: будучи менее открыт культурным влияниям, Западский край оказался и в меньшей степени подвержен и случайным набегам кочевников.

Процесс политического "собрания" земель, объединения части восточнославянских территорий под властью Москвы, оказал основополагающее влияние на протекание этногенетических процессов. Подобно тому, как это было в начальную эпоху Руси, политические отношения сыграли главную роль в отделении восточного славянства от остальной славянской массы и образованию древнерусской этнической общности, точно так же, уже на новом этапе, границы будущего народа во многом оказались очерчены пределами распространения власти московского князя. Во всяком случае, векторы политического развития очень часто оказывались направлены в ту же сторону, что и векторы культурного взаимодействия (причем, вопрос о том, что же было в данном случае первично, остается спорным и требует особого рассмотрения).

Территориально расширяясь, политическое влияние далеко не всегда следует теми путями, которые предначертаны ему внутренними интенциями развития этнических процессов: под рукой Москвы оказались собраны народы, которым, по крайней мере, в силу устойчивых качеств самосознания, казалось бы, противопоставлено соединяться в рамках одной цивилизационной общности: славяне, финно-угры и тюрки, христиане и мусульмане, язычники – все они оказались заключены в пределы одного государства, а значит неизбежность поиска путей культурного синтеза в той или иной форме оказалась предreshена. Впрочем, Русь изначально имела немалый опыт соединения в целое совершенно различных культурных традиций. Символично, что уже у истоков Руси, в момент легендарного приглашения Рюрика, в единой связке выступали наряду со славянскими и финно-угорские племена. России и в дальнейшем не раз приходилось переживать необыкновенные превращения социальной психологии, в результате которых самые дальние "чужие", ни при каких условиях не мыслимые, казалось, как нечто близкое, вдруг оказывались усвоены (у-своены), размещены среди "своих", вписаны в систему мировосприятия по "эту" сторону черты, отделяющей мир чуждый, страшный, нечеловеческий от мира правильного, дружелюбного, "нашего".

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что на новом историческом этапе процесс культурного взаимодействия с другими народами для Руси должен был протекать более напряженно, чем в предшествующий период. Во-первых, Русь имела за плечами несколько столетий развития, оформившуюся традицию, которая уже в силу своего возраста не могла быть столь же гибкой как в начальный период формирования, когда страна стояла перед выбо-

ром и могла (если верить Повести временных лет) с одинаковой легкостью пойти по совершенно разным путям развития: образно говоря, если Владимир I Святославич в качестве равноправных рассматривал возможности принятия Русью и ислама, и иудаизма и православия, демонстрируя тем самым готовность к свободной культурной трансформации, то для Дмитрия Донского все было уже гораздо менее просто. Инерция национальных традиций уже представляла достаточно существенную силу, не считаться с которой было не возможно. Более отчетливым и устойчивым стало национальное самосознание. По наблюдениям Б.Н.Флори, в русском обществе "сошло на нет понятие "Русь" (в узком смысле), и области, лежавшие за пределами Среднего Поднепровья, гораздо чаще и последовательнее, чем ранее, стали отождествлять себя с "Русью". Таким образом, во всем восточнославянском ареале в XIII в. усилилось чувство принадлежности к особой древнерусской народности"[17. С. 34]. С XIV–XV веков получает распространение отождествление восточнославянских территорий в рамках своей общности (великое княжество Московское, Великое княжество Литовское) со "всей Русской землей" и "великим княжением" [17. С. 34].

То есть, этноним и политоним "Русь" был осмыслен как воплощение престижной культурной традиции, с родство с которой хотелось подчеркнуть всем государствам, возникшим на восточнославянской территории. Традиция же, будучи воспринята как своя и сакральная, предопределяла направление дальнейшего развития, задавала определенные ориентиры, отклониться от которых было уже сложно (сложно, например, принять ислам, когда традиция как основополагающий стержень мировоззрения диктует православие).

Во-вторых, монголо-татарское нашествие и включение Руси в орбиту политического влияния государства чингизидов сделало гораздо более плотными и болезненными контакты с миром монголов и тюрков-кочевников. Позиция превосходства, периодически подкрепляемая военными успехами, которую удавалось удерживать Русской культуре относительно культуры степной в домонгольский период была надломлена. Это лишило русскую цивилизацию известной доли активности в восприятии инокультурных веяний, идущих с востока. Будучи поставлена в жесткие условия политической зависимости, Русь, сама того не замечая, становилась подчас ведомой, что особенно сильно проявилось в сфере политического сознания и государственного строительства: политическая система монгольской державы оказалась одним из доминирующих образцов для развития отношений власти и подчинения на Руси. Результатом этого стало кардинальное изменение самого духа политической культуры: вечевые начала всеобщей ответственности и заинтересованности населения государственными проблемами,

когда государство воспринимается как "общее дело", сменяется отношением к государству как внешней силе, обожествляемой и вызывающей потребность сопротивляться, одним словом, чужой.

Третьим, весьма существенным, обстоятельством следует считать то, что Византийская империя, на протяжении столетий служившая для Руси цивилизационным ориентиром и источником получения ценных новаций в XV веке пала под ударами турков–османов. Русь лишилась живого культурного образца. Тем не менее, Византия, уже исчезнувшая с политической карты, не перестала оказывать влияние на русскую культуру. Образ ее, тщательно сохраняемый русской национальной элитой, еще очень долго продолжал оставаться значимым. Как "свет погасшей звезды" наследие империи и в дальнейшем продолжало занимать весомое место в русском общественном сознании. Образ Византии после Византии – это уже плод русской культуры, явление совершенно новое, проявление активного творческого начала, когда культура, опираясь на традицию, сама продуцирует значимые образцы для развития. Красноречивым символом отношения Московской Руси к византийскому наследию может служить "шапка Мономаха", которая почиталась на Руси древним венцом византийских императоров, а в реальности представляет собой конструкцию из разновременных византийских и восточных деталей, приобретенных, по предположению Н.В. Жилиной, Иваном Калитой у генуэзских купцов как дорогой византийский раритет [4. С. 205]. Пластины, составляющие основу шапки, действительно могли быть составными деталями поздневизантийского императорского венца–митры [4. С. 128], но форма, которую придали этому убору на Руси, исключительно традиционна: подобные шапки с круглой тульей и меховой опушкой, судя по иконографическим материалам, были неотъемлемой принадлежностью княжеского облачения [1. Б. 15].

Ярким маркером, которым в системе древнерусских представлений отмечалась позиция общества–образца, было понятие "царство". Если в домонгольский период Русь знала помимо "небесного" лишь одно царство – греческое, то после утверждения верховной власти ордынских ханов, реальное влияние которых на русскую политическую жизнь было несоизмеримо существенней влияния константинопольского императора, этот титул последовательно стал употребляться также и к ним. За монгольским ханом со временем молчаливо были признаны права легитимного владыки. Хан стал царем [2. С. 134–161]. Этот терминологический нюанс ознаменовал весьма существенный факт: теперь для русской культуры существовало два доминирующих ориентира: "византийский/православный" и "степной/восточный".

Первый из них бережно сохранялся и сознательно

культивировался, все более и более превращаясь из реального партнера по культурному взаимодействию в некое воображаемое собеседника, в образ ушедшего в небытие учителя, диалог с которым ученик продолжает на протяжении всей жизни.

Другой вторгся суровой реальностью военных поражений и политической зависимости, заставляя силой оружия подчиняться установленным извне правилам: отчужденность степного мира монголов–кочевников и мира городов славян–земледельцев преодолевалась необходимостью совместного существования (необходимостью одинаково настоятельной как для Руси, перед которой стояла задача выжить и сохранить национальную и государственную идентичность, так и для Орды, в благополучии которой русская дань и военная добыча играли не последнюю роль). Волей–неволей приходилось перенимать многое из культуры соседа. И если Орда своим господствующим положением, покоящимся на военном и политическом превосходстве, получила право свободно брать лучшее, то Русь должна была впитывать, прежде всего, те культурные категории, которые бы позволили уцелеть.

Весьма показательным в этом отношении "Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского". Князь Михаил погиб не потому, что пытался оказать сопротивление очевидно превосходящей силе ордынского царя. Политическое господство и даже сам царский статус монгольского владыки не подвергается сомнению в "Сказании". Михаил согласен поклониться хану, он говорит: "Тобе, цесарю, кланяюся понеже Богъ поручил ти есть царство света сего" [12. С. 160]. Князь, однако, отказывается пройти сквозь ритуальный огонь и поклониться солнцу и идолам: другими словами он отказывается исполнить обычаи завоевателей. Готовность признать политическую зависимость, не поступаясь культурной самостоятельностью (здесь следует вспомнить этимологическую близость слов "культура" и "культ") оказывается недостаточной – князь гибнет. "Сказание" по сути, показывает, как жестко было сломлено все то, что не давало Руси проявить должную гибкость в сложной ситуации для проведения нежеланного, вынужденного, но неизбежного, и в чем–то даже и полезного культурного синтеза.

По счастью, слом не стал смертельным. Русская культура, на время согнувшись в "почтительном поклоне" перед завоевателями, не сломалась, получив тем самым возможность дальнейшего развития. Логика жизни привела к тому, что будущее осталось за теми "многими князьями и боярами" упомянутыми в самом начале того же "Сказания", которые "идяху сквозь огонь и поклоняхуся солнцу и кусту и идолом славы ради света сего" [12. С. 156]. Вывод, быть может, не очень "благороден", но оценочные суждения здесь неуместны. Вряд ли мы имеем

моральное право осуждать те многочисленные поколения наших не погибших в войнах предков, прямыми потомками которых мы являемся. Эти поколения сберегли не только свои (и будущие наши) жизни, но и живую культурную традицию, которую наследуем мы и все человечество.

Нельзя согласиться с точкой зрения И.Н.Данилевского, для которого оправдание действий Александра Невского, отказавшегося от борьбы с Ордой есть "цинизм" [3. С. 201]. По мнению историка, не кто иной как Александр водрузил ордынское ярмо на шею русскому народу [3. С. 215].

Следует, однако, заметить, что сопротивление могущественному внешнему противнику для князя – не только вопрос личного мужества, а еще и вопрос ответственности перед вверившим ему власть населением города. Если шансы на победу невелики – он не имел права рисковать жизнями и судьбами людей. Иная точка зрения на расстановку сил и деятельность Александра представлена в работе А.А.Горского [2. С. 56]: большинство русских городов уже лежало в руинах, попытка сопротивления силами всего лишь двух волостей действительно была безнадёжной. Почему, собственно, предосудительно, что Александр не захотел, чтобы Новгород пополнил список сожженных Батыем русских городов, которые были ничем не слабее Новгорода и Пскова? Александр, неоднократно доказавший на поле битвы свою храбрость, едет в Орду, "дабы отмолити людий от беды" [5. С. 368] и освободить русских от обязанности посылать свои полки для участия в татарских походах [8. С. 518]. Поездка заканчивается для него смертью.

Конечно, попытка решить дело миром не столь эффективна как самоотверженная кончина в лихой сече. Действительно, политика Александра Невского не так впечатляет как гибель Михаила Черниговского, но направление было выбрано верно. Было положено начало трудному, но единственно плодотворному пути постепенного преодоления дистанции, отделявшей победителей от побежденных, пути мирного урегулирования и постепенного единения культурных традиций*. Чтобы победить татар, Руси самой пришлось стать до некоторой степени "татарской".

*...татарский пожар, беда, накрывшая государство, общество, все слою народа и отдельного человека, способствовали тому, что Русь сделала не лучший (а был ли оно вообще, и если был, то как было его найти?) выбор, то, пожалуй, естественный, вытекающий из переживаемой ситуации и направленный на достижение некоей положительной и трезвой цели, которая, при всех оговорках, была исторически оправдана и выводила и Русь и ее народ из тупика, ощущение которого возникло еще в дотатарскую эпоху" (Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Три века христианства на Руси (XII - XIV вв.). Т. 2. С. 223).

В московский период Русь и восточные тюркские изначально кочевые народы продолжили движение по пути культурного синтеза, начало которому было положено еще на заре их этногенеза (пришедшегося на одно время – эпоху Великого переселения народов V – VI вв.) [9. С.226]. Как показывают археологические и лингвистические источники, несмотря на извечную вражду, славяне и степные номады имеют во многом общую судьбу и на исторической арене выступают в качестве необходимых частей одной системы, дополняя друг друга, что раз за разом в течение тысячелетия приводило к образованию культур, в материальном и духовном облике которых прослеживалось черты обоих миров: славянского земледельческого и тюркского кочевого. Начало этому было положено еще в гуннские времена, когда предки славян оказываются включенными в гуннский союз выступают под именем скифов, поставляя для последних челны-однодревки.

Затем, уже в VI веке подобным же образом выстраиваются отношения славян с аварами. Славяне принимают участия в военных предприятиях Аварского каганата, вместе с ними осаждают Константинополь в 626 году. Авары заимствуют у славян традиции домостроительства – полуземлянки. "Аварское иго" оказало влияние и на древнюю славянскую социальную терминологию (каган, болярин, жупан, пан). Элементы культуры номадов прослеживаются в обрядности кургана Черная могила, насыпанного в 60-х годах X века, в котором "помимо скандинавских и варяжских черт, прослеживается кочевнический (салтовский) обычай укладывать конское снаряжение, оружие и доспех в груды ("трофей") на кострище, а драгоценные серебряные оковки ритонов украшены в постсасанидском стиле: одна из оковок несет хазарский изобразительный сюжет" [9. С.231].

Примером этнокультурного синтеза славянских и кочевнических традиций дает пеньковская археологическая культура (VI – VII вв.), в которой славянский компонент соседствует с болгаро-аланским, и волынцевская (VIII – IX вв.) территория которой совпадает с ареалом дани, которую хазары брали со славянских племен (полян, северян, радимичей) и где также присутствует в материальной культуре кочевнический элемент [9. С.231–235]. Весьма показательный пример тюркско-славянского симбиоза дает нам история Первого Болгарского царства. Таким образом, можно утверждать, что русско-татарский культурный синтез продолжал древнюю традицию славяно-тюркских контактов и имел глубокие корни. Речь не идет, конечно, о том, что отношения Орды и русских княжеств следует вслед за Л.Н.Гумилевым рассматривать как союз. На политическом и идеологическом уровнях взаимоотношения носили, безусловно, враждебный характер. Но взаимовлияние культур часто развиваются и между враждебными обществами, вопреки и по-

мимо военных столкновений, даннического ярма, явного недоброжелательства – либо как прямое заимствование или же как "ответ на воздействие внешнего фактора"[7. С. 229].

В сражениях Русь перенимала элементы боевых навыков врага, в стремлении сохранить самостоятельность

во враждебной государственной системе – начала политического уклада властителей, стремление подражать их быту – детали костюма. В результате же сложился синтетический культурный феномен, впитавший в себя (помимо сознания) много из того, что в последствии было органично усвоено русской культурой, стало восприниматься как "свое", традиционное, исконное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944. 214 с.
2. Горский А.А. "Всего еси исполнена земля русская...": Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М.: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.
3. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.) Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 2001. 389 с.
4. Жилина Н.В. "Шапка Мономаха". Историко-культурное и технологическое исследование. М.: Наука, 2001. 247 с.
5. Житие Александра Невского // БЛДР. Т. 5. XIII в. СПб.: Наука, 1997. С. 358–369.
6. Конадков Н.П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб.: Типография императорской академии наук, 1906. 123 с. VI таб.,
7. Крадин Н.Н. От Орды к России: круглый стол // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 229.
8. Охотникова В.И. Житие Александра Невского. Комментарии // БЛДР. XIII в. СПб.: Наука, 1997. С. 515–518.
9. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. Учебное пособие для гуманитарных факультетов высших учебных заведений. М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. 383 с.
10. Повесть о разорении Рязани Батыем // БЛДР. Т. 5. XIII в. СПб.: Наука, 1997. С. 140–155.
11. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: "Языки русской культуры", 1997. 496 с.
12. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // БЛДР. Т. 5. XIII в. СПб.: Наука, 1997. С. 156–163.
13. Слова и поучения Серрапиона Владимирского // БЛДР. Т. 5. XIII в. СПб.: Наука, 1997. С. 370–385.
14. Слово о погибели Русской земли // БЛДР. Т. 5. XIII в. СПб.: Наука, 1997. С. 90–91.
15. Срезневский И. Древнее изображение кн. Всеволода-Гавриила // Он же. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I – XL. СПб.: Типография императорской академии наук. 1867.
16. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том II. Три века христианства на Руси (XII – XIV вв.). М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. 864 с.
17. Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII – XV веках. К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // Этническое самосознание славян в XV столетии. М.: Наука, 1995. С. 10–38
18. Чекалова А.А., Поляковская М.А. Интеллектуалы и власть в Византии // Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX международному конгрессу византинистов. М.: Индрик, 1996. С. 5–25.
19. Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Древняя Русь. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1. С. 691–717.

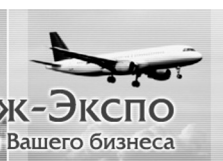
© В.В. Долгов, (dolgov@udm.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

www.lawtek.ru
ПравоГЭК
информ
новости, аналитика, обзоры

медиа
журналы, бюллетени,
книги
media.lawtek.ru

школа
семинары
и учебные курсы
school.lawtek.ru

конференции
Россия
и другие страны СНГ
conference.lawtek.ru

Зарубеж-Экспо
Новые рубежи Вашего бизнеса